

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ, РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В СТРАНАХ АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

В статье автор останавливается на некоторых аспектах долгосрочного влияния исламизма (особенно радикального) и в целом религиозного фактора на возможные процессы дестабилизации в афразийской макроне нестабильности в будущем. Мы считаем, что феномен Исламского возрождения и повсеместного распространения исламизма сам по себе на довольно длительное время создает важную основу для дестабилизации, поскольку он порождает в качестве своего крайнего крыла радикализм. И в этой связи поддержка умеренного исламизма с целью отрыва его от радикального является одним из важнейших способов минимизации опасности радикализма и дестабилизации общества. Особо была исследована ситуация в зоне Сахеля, где исламизм в основном еще неразвит. Однако эти общества оказались, с одной стороны, восприимчивы к радикализму и терроризму, поскольку радикалы из стран Ближнего Востока и Северной Африки достаточно легко вербуют здесь сторонников и добровольцев, а с другой – эти страны (из-за отсутствия опыта, недостаточного уровня развития государственного аппарата, быстрорастущего населения, включая городское, и других причин) во многом оказались беспомощными против террористов. В результате некоторые из них становятся базами для распространения террора. Поэтому ряд стран, как, например, Мали и Нигер, нуждаются во внешней помощи против терроризма. Кроме того, был сделан вывод, что Афразий-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ская макрозона нестабильности в своей африканской части имеет очень обширную периферию, причем не только в зоне Сахеля. Она может существенно расширяться в будущем и за счет других регионов Африки. Был сделан прогноз, что с течением времени (однако нескоро) роль радикализма начнет уменьшаться на Ближнем Востоке и одновременно расти в странах зоны Сахеля. Причем последнее будет происходить существенно быстрее первого. В статье также исследована ситуация в обществах, где мусульмане являются меньшинством, а именно в Китае и Индии. Населенные мусульманами области в них составляют своего рода дальнюю периферию афразийской макрозоны нестабильности. Было показано, что как в Синцзян-Уйгурском автономном округе на северо-западе Китая, так и в штате Джамму и Кашмир в Индии (равно как и в некоторых других индийских регионах) ситуация будет неопределенно длительное время способствовать процессам нестабильности и может обостряться. Это может происходить, с одной стороны, из-за сепаратизма мусульман, и с другой – по причине жесткой политики центральной власти по отношению к ним.

Политическим проблемам исламизма посвящена моя статья в настоящем выпуске (Гринин 2020а), а также несколько статей в предыдущих (Гринин 2018; 2019а; 2019б; Коротаев, Гринин 2017). Важные идеи были высказаны в последнем разделе статьи (Гринин 2020б). Поэтому в данной работе я остановлюсь только на некоторых аспектах долгосрочного влияния исламизма (особенно радикального его крыла) и в целом религиозного фактора на возможные процессы дестабилизации в афразийской макроzone в будущем.

Поскольку исламизм выражает глубинные представления и идеалы основной части населения многих исламских стран, этот фактор является очень важным. Особенно учитывая, что идеологически исламизм организован так, чтобы противопоставлять «единственно верное учение» неверным, праведный образ жизни (согласно требованиям исламских источников мудрости) – несправедному. На этой базе время от времени усиливается радикализм. Кроме того, будучи народным движением, исламизм стремится к навязыванию (часто путем жесткого принуждения со стороны его адептов) своих правил и ограничению личных свобод в быту, где это особенно чувствительно для населения. Это неизбежно вызы-

вает определенный протест и, при прочих равных условиях, чем выше уровень образования, тем больше людей, которым это не нравится.

Периодами радикализм порождает боевые движения и организации, которые противопоставляют себя «тлетворному и развращенному» Западу. Соответственно возникает глобальная напряженность, в которую вовлекаются довольно разветвленные и влиятельные силы. Формы этих движений могут быть разными, и они эволюционируют. Мы видели законспирированные ячейки «Аль-Каиды»¹, исламские государства под управлением радикальных течений вроде талибов в Афганистане (ставшем убежищем для главных сил «Аль-Каиды»), разветвленную сеть социальных ячеек «Братьев-мусульман»¹ (см.: Osman 2016; Grinin *et al.* 2019), радикализм которых после 2013 г. усилился. Наконец, мы видели возникновение крупного анклава крайнего радикализма в виде «Исламского государства»¹, наиболее радикальной в смысле мировоззрения организации государственного типа (о нем см.: Гринин и др. 2016: гл. 5). Наличие таких образований ведет к повсеместному напряжению, попыткам радикалов так или иначе захватить базы и территории. Несомненно, радикализм подпитывает международный терроризм, который дезорганизует жизнь не только в афразийской макроне нестабильности, но и в Европе и других регионах. Ярким примером здесь выступает международная террористическая организация «Бoko харам»¹, наводящая ужас на жителей Нигерии и других африканских стран.

Мы считаем, что феномен *Исламского возрождения и быстрого и повсеместного распространения исламизма, поскольку он порождает в качестве своего крайнего крыла радикализм, сам по себе на довольно длительное время создает важную основу для дестабилизации*. Исламисты, даже умеренные, принимающие правила игры, стремятся к власти в своих странах. Добившись ее, они обычно начинают в той или иной мере радикализировать законодательство и другие стороны жизни (ибо исламизм в основе своей – идеология, которая считает, что исламские ценности, законы и пра-

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

вила должны определять всю гражданскую жизнь). Такой крен неизбежно ведет к расколу общества, вступает в противоречие с законами экономической жизни и обостряет противостояние со светской властью. Пример «Братьев-мусульман» в Египте, пришедших к власти в результате выборов в 2011–2012 гг., очень показателен в описанном плане. Военный переворот и вытеснение «Братьев-мусульман» в подполье стал результатом таких их притязаний. Мы уже не говорим о попытках радикальных исламистов захватить власть, что приводит к расколу общества. До сих пор еще не побежденные группировки из так называемого «Исламского государства» на севере Сирии и Ирака наглядно демонстрируют, что *возможность образования радикальных территориальных образований в будущем вполне вероятна. И чем больше хаоса будет в регионах афразийской макрзоны нестабильности, тем это вероятнее* (см. об этом: Гринин и др. 2016; Коротаяев, Соковнина, Шадрова 2020; Schumacher, Schraeder 2019). *В зоне же Сахеля (ориентируясь на разгул там террористических организаций) в будущем это тем более вероятно (о причинах см. ниже). И в этой связи поддержка умеренного исламизма с целью отрыва его от исламизма радикального есть один из важнейших способов минимизации опасности радикализма и дестабилизации общества* (см. также: Гринин 2020a).

Радикализм в Африке

Однако важно отметить следующее. Исламизм неодинаков по уровню своего развития в разных частях афразийской макрзоны нестабильности. Он более зрелый (трансформирующийся в постисламизм) в таких странах, как Иран, Турция или Пакистан (см.: Гринин 2020a). Он колеблющийся (от умеренного к радикальному) в странах Северной Африки (Египте, Тунисе, в меньшей степени в Марокко), фундаментально-государственный в Саудовской Аравии и других странах Залива (см.: Там же), традиционно (с конца 1970-х гг.) радикально-воинственный в Афганистане. Но он еще недостаточно зрелый в странах зоны Сахеля, кроме, пожалуй, Су-

дана². Незрелость исламизма в странах Африки заключается в том, что он наиболее ярко представлен именно радикальным, террористическим исламизмом (но собственно массовой, охватывающей большинство населения базы исламизм не имеет, поэтому у власти находятся светские режимы). Не менее важно, что основное происхождение террористических организаций связано с влиянием радикалов извне: с территории Северной Африки и Ближнего Востока («Аль-Каиды» и ИГИЛ)³.

«Аль-Каида» активно наращивала присутствие в разных странах Африки, особенно с начала 2000-х гг., создавая дочерние организации вроде алжирской «Аль-Каиды в странах исламского Магриба» (АКИМ)⁴, которая смогла даже создать свою тыловую базу в Мали. В последней были созданы и собственные организации, например, «Фронт освобождения Масины» (ФОМ), «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (ДЕДЗА), «Ансар ад-Дин» – исламистская террористическая группировка туарегов, созданная в 2011 г. (Гончаров 2017; о разгуле терроризма здесь см. также: Газетов, Ветров 2020). Недавно информационное агентство Мавритании *Nouakchott News* сообщило о слиянии двух экстремистских групп в Сахаре и образовании новой джихадистской

² Имеет смысл напомнить, что исламизм лежал у самых истоков современной суданской государственности в период махдистского национально-освободительного восстания (1881–1898). По сути, в эти годы суданцы впервые сами создали и поддерживали свое государство. Оно было названо Махдией и представляло собой «теократическое государство джихада», первоначально управляемое как военный лагерь (Серегичев 2015: 368). Кроме того, в период образования современного Судана еще в 1950-е гг. огромное влияние на укрепление исламизма в стране оказали египетские «Братья-мусульмане», создавшие в Судане (который в первой половине XX в. был тесно интегрирован с Египтом) свою весьма сильную организацию, в итоге добившуюся власти (Там же: 370 и далее).

³ О влиянии «Исламского государства» на всплеск террористической активности в странах Азии, в том числе исламских (Филиппины, Индонезия, Малайзия и др.), см. в настоящем выпуске: Коротаяев, Соковнина, Шадрова 2020. Обращаем внимание, что под знамена «Исламского государства» встали группировки в целом ряде стран Ближнего Востока: Ливии, Тунисе, Алжире, Йемене и даже в Иордании. И эти группировки стали передаточными звеньями в распространении идеологии ИГ и терроризма в Африке южнее Сахары.

⁴ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

организации «Al-Murabitun Brigade», провозгласившей своей целью объединение мусульман «от Нила до Атлантики под са-лафитским флагом» (Газетов, Ветров 2020). С 2012–2014 гг. стало резко ощутимым влияние «Исламского государства», причем оба центра терроризма и радикализма остро соперничали за влияние в странах Сахеля и других государствах. Правда, обострение соперничества между ними лишь привело к значительной интенсификации террористической борьбы на Африканском континенте (Гончаров 2017). В 2019 г. деятельность террористических и других экстремистских группировок в сахельских странах приобрела новый размах.

По данным Секретариата ООН, в Буркина-Фасо с января по ноябрь 2019 г. было совершено 488 террористических атак против 150 в 2018 г., в Нигере – 118 против 69. В 2019 г. в результате террористических операций в Мали погибли 1507 человек, в Буркина-Фасо – 918, в Нигере – 404. Численность перемещенных лиц достигает 1 млн человек (ООН 2019: 2/26; Корендясов 2020).

Однако нужно заметить, что экспорт радикального исламизма распространился и далеко за пределами собственно зоны Сахеля. Последняя включает в себя 11 государств (Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо [бывшая Верхняя Вольты], Нигер, Нигерия, Камерун, Чад, Судан и Эритрея) с общим населением более 300 млн человек (правда, почти две трети из них – население Нигерии⁵). Но в зоне террористических атак живут 20 млн человек, что создает серьезные гуманитарные проблемы и основания для дестабилизации. Иногда в эту зону также включают государства Западной Сахара, Гамбия и Кабо-Верде (бывшие острова Зеленого мыса, но это более спокойная туристическая страна), а также некоторые районы Эфиопии. Культурную специфику Сахеля определяет ислам суннитского направления. Лишь на юге мезорегиона (особенно в Буркина-Фасо, Мали) сохранились приверженцы местных тради-

⁵ Большинство этих государств – со сравнительно небольшим населением (до 10 млн, максимум 18 млн человек, как в Буркина-Фасо или Нигере). Например, в Мавритании – 3,5 млн человек, в Гамбии – около 2 млн, в Западной Сахаре и Кабо-Верде – и вовсе чуть более 500 тыс. человек.

ционных верований. В Кабо-Верде (бывшей португальской колонии) господствует католическая религия.

Рис. 1. Зона Сахеля в Африке

Источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сахель>.

Стоит уточнить, что крупнейшая в Африке по населению Нигерия в зону Сахеля почти не входит (только сравнительно небольшой ее район на северо-западе страны относится к Сахелю). Однако именно в Нигерии действует одна из наиболее активных и мощных террористических организаций «Боко харам»⁶, наводящая ужас на целые районы этой страны. Неудивительно, что в 2014 г. Нигерия вышла на второе место в мире (после Ирака) по числу погибших вследствие терроризма (7512 человек). «Боко харам» в том же году оказалась самой смертоносной террористической организацией в мире: на ее счету было 6644 убитых в терактах (Костелянец 2016: 105)⁷. Однако связь у терроризма в Нигерии с зоной Сахеля имеется. Дело в том, что «Боко харам» была основана Мохаммедом Юсуфом примерно в 2002 г. в городе Майдугури, административном

⁶ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

⁷ Однако в 2016 г. лавры самой жестокой в мире террористической организации «Боко харам» уступила сомалийской «Аш-Шабаб». Если жертвами первой стали 3499 человек, то от рук второй пали 4281 человек (Гончаров 2017).

центре федерального штата Борно, находящемся именно в зоне Сахеля. Но если Нигерию еще как-то можно связывать с Сахелем, то Восточную Африку (кроме Эритреи) – нет. Между тем в 2016 г. (на основе сомалийской «Аш-Шабаб») была создана новая террористическая организация с весьма характерным названием «Исламское государство Сомали, Кении, Танзании и Уганды» (ИГСКТУ), известное как «Jahba East Africa». Основу новой группировки составляют выходцы из стран Восточной Африки (Гончаров 2017). Особая роль в распространении радикального исламизма в Восточной Африке, как мы видим, принадлежит Сомали. И, наверное, это не случайно, а подтверждает идею, что *развал государственности и длительный период анархии – исключительно питательная среда для роста радикализма и терроризма* (см.: Гринин 2012; Гринин и др. 2016; Коротаяев, Соковнина, Шадрова 2020; Schumacher, Schraeder 2019). Все это показывает, что **афразийская макрizona нестабильности имеет очень обширную периферию и, главное, может существенно расшириться в будущем за счет других регионов Африки.**

В целом же терроризм, среди которого исламский стоит на первом месте, в африканских странах вне Сахеля, к сожалению, сильно распространен (например, в Ливии, Сомали, Кении, Демократической Республике Конго, Камеруне). В целом в первой двадцатке государств мира, наиболее подверженных угрозе терроризма, половину составляют именно африканские страны (Костелянец 2016: 105). **Как это ни печально, приходится прогнозировать, что усиление терроризма в Африке продолжится.**

Хотя «Исламское государство» потерпело в Сирии и Ираке поражение, для Африки это обернулось ростом терроризма. Снижение активности ИГ в Ираке и Сирии компенсируется, в частности, ростом его террористических вылазок в Западной Африке, особенно в зоне Сахеля. Что касается Черного континента, то действующие здесь его порождения в лице «Исламского государства Большой Сахары» (ИГБС), «Западноафриканской провинции Исламского государства», а также местные филиалы «Аль-Каиды», такие как «Аль-Каида в странах исламского Магриба», «Группа поддержки ислама и мусульман» и другие группировки привлекают в свои ряды новых адептов и расширяют масштабы своей террористической активности (Гончаров 2020). Для нашего ежегодника особенно

важно отметить, что при этом *они пытаются использовать модель трансграничной дестабилизации, апробированной на Ближнем Востоке на границе Ирака и Сирии, в зоне Сахеля на границах Мали, Буркина-Фасо и Нигера для создания здесь еще одного очага напряженности, грозящего дестабилизировать весь регион Западной Африки* (Гончаров 2020).

Таким образом, ситуация в зоне Сахеля показывает, что, хотя исламизм в основном еще неразвит (или, скорее, благодаря этому), данные общества оказались восприимчивы к радикализму и терроризму. Это проявляется в том, что радикалы из стран Ближнего Востока и Северной Африки достаточно легко вербуют здесь сторонников и добровольцев. А с другой стороны, эти страны во многом оказались беспомощными против террористов (из-за отсутствия опыта, недостаточного уровня развития государственного аппарата, быстрорастущего населения, включая городское⁸, и других причин). Исключение в этом смысле составляет лишь Нигерия. В результате некоторые из этих государств становятся базами для распространения террора. Поэтому ряд стран, таких как Мали и Нигер, нуждаются во внешней помощи против терроризма.

Слабость государственности в Мали вновь подтвердилась военным переворотом в августе 2020 г. Можно согласиться, что любое ослабление центральной власти в Мали может привести к новому усилению ИГ и «Аль-Каиды» (Артамонов 2020). Очень любопытно, что усиление джихадистов в зоне Сахеля в 2020 г. совпало с пандемией и сокращение усилий по борьбе с терроризмом. В апреле 2020 г. эксперт лондонского Института глобальных изменений Булама Букарти написал в своем блоге, что уже есть «признаки того, что группы джихада на континенте пытаются воспользоваться пандемией, чтобы развязать насилие и набрать новых членов». Он констатирует очевидный факт, что «ограниченные ресурсы, предназначенные для сил государственной безопасности, борющихся с экстремистами, придется отвлечь на борьбу с распространением коронавируса» (см.: Филиппов 2020). Таким образом, любое негативное событие усиливает рост терроризма.

⁸ О связи урбанизации, с одной стороны, роста насилия и терроризма – с другой, см.: Гринин, Кортаев 2009; Смысловских и др. 2020.

Мы предполагаем, что с течением времени (однако нескоро) роль радикализма начнет уменьшаться на Ближнем Востоке и одновременно расти в странах зоны Сахеля. Причем последнее будет идти существенно быстрее первого. В зоне Сахеля роль радикализма в будущем существенно возрастет, а с учетом мощного демографического роста и наличия очень крупных молодежных бугров (см.: Коротаяев, Айсин и др. 2020) его дестабилизационный потенциал будет тем более высок.

Противостояние Запада и радикальных исламистов в зоне Сахеля уже довольно ощутимо. В частности, европейцы представляют для террористов особенно привлекательные цели (говорят о них в СМИ явно больше). Некоторые страны, будучи не в состоянии сами справиться с террористическими группами, обращаются за помощью к западным государствам. Иницилируемые странами Запада международные санкции против стран – спонсоров террористов, в частности Судана, применяются уже давно и даже безрезультатно (Костелянец 2016: 103).

Исламский терроризм в Африке получает распространение с 1979 года. Новой вехой в его становлении становится приход к власти в Судане президента этой страны Омара аль-Башира⁹, который в 1991 году предоставил убежище активистам движения «Аль-Каида», и в их числе знаменитому Усаме бен Ладену, а также таким течениям, как «Хамас», «Хезболла», «Аль-Гамаа аль-Исламия» («Исламский джамаат»). Участники последней в 1995 году совершили покушение на лидера Египта Хосни Мубарака (Горин 2017).

Франция, которая традиционно рассматривает западноафриканские страны как свою геополитическую и культурную зону, уже осуществляла военную интервенцию в Мали в 2013 г.¹⁰ Одной из ее целей была именно борьба с терроризмом. Франция также осуществляет контртеррористическую операцию «Бархан» в зоне Сахеля. А Нигер, подвергаемый террористическим атакам, не только ак-

⁹ В 2019 г. он был свергнут в результате военного переворота.

¹⁰ Одновременно Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) выделило 3300 солдат для операций в Мали из состава межафриканских сил, созданных из подразделений девяти западноафриканских стран: Нигерии, Того, Бенина, Сенегала, Нигера, Гвинеи, Ганы, Буркина-Фасо и Чада (Газетов, Ветров 2020).

тивно участвует в миротворческой миссии ООН МУНИСМА, но и является главной базой для американских дронов и центром координации французских военных операций в зоне Сахеля под кодовым названием «Бархан» (Гончаров 2017).

О том, что в течение ближайших десятилетий исламизм как фактор дестабилизации в странах, уже в значительной мере «переболевших» им в радикальных формах, может ослабнуть, говорят следующие факты¹¹. В странах, где в последней четверти XX в. были удачные или неудачные религиозные (исламские) революции, как, например, в Судане и Алжире, им на смену приходят революции другого типа: политические (антидиктаторские). Между тем вспомним, что исламисты вели длительную гражданскую войну в Алжире в 1992–2002 гг. В Иране мы также наблюдаем гражданские, а не религиозные массовые протесты (во время зеленого движения в 2009 и 2020 гг.). Показательно, что Саудовская Аравия стала активно бороться с влиянием «Братьев-мусульман» (см.: Гринин 2020в).

Но, повторим, стойкое снижение опасности радикализации исламизма случится нескоро. К этому времени также снизится рождаемость в большинстве исламских стран, что резко уменьшит и базу радикализма. Однако в зоне Сахеля база для него, напротив, возрастет за счет растущей доли горожан и стабильно высокой доли молодежи в населении. Ускорению снижения опасности радикализма во многом могла бы способствовать правильная политика в отношении умеренных исламистов, привлечение их на сторону светских властей и интегрирование в политическую систему. Об этом мы уже много писали (Гринин 2018; 2019а; 2019б; 2020а).

Конфессиональные основания нестабильности

Как мы уже говорили, наиболее важной (и постоянной в этом плане) основой для конфронтаций служит деление исламского мира на шиитов и суннитов, что наиболее наглядно проявляется в Сирии и Ираке, недаром же ИГИЛ возникла именно на севере этих стран. (Конечно, много серьезных противостояний наблюдается

¹¹ Что, разумеется, не исключает рецидивов радикализма, как это случилось в Египте, где с 1990-х гг. исламизм становился более респектабельным (Osman 2016; Grinin *et al.* 2019).

и среди других конфессий и течений, но в данной статье нет возможности говорить об этом)¹². И в условиях влияния других факторов, связанных с реконфигурацией и геополитикой, например, борьбы за влияние между Саудовской Аравией и Ираном в регионе, попыток насадить западную модель демократии в многоконфессиональных странах, ведут к усилению нестабильности. Так, введение демократии в Ираке привело к тому, что сунниты, прежде бывшие у власти, потеряли свое влияние, что привело к серьезным изменениям: фактической потере США Ирака, усилению влияния Ирана, возникновению ИГ и др. Напомним также, что нефтеносные провинции Саудовской Аравии населены шиитами, и эту карту пытается разыграть Иран. Незаживающей раной такого противостояния также является борьба противоположных сил в Йемене. И в условиях усиления внутри региональной борьбы религиозно-конфессиональное противостояние долго будет важной причиной не просто вероятных, а неизбежных потрясений и дестабилизаций в ряде обществ и провинций афразийской макрзоны.

Исламская дальняя периферия афразийской макрзоны нестабильности

Помимо основной территории афразийской макрзоны нестабильности, где основное население – мусульмане, важно отметить и проблемы мусульман в странах, где, во-первых, они не составляют подавляющего большинства. Наиболее ярким примером тут служит Нигерия, где 50 % нигерийцев – мусульмане, 40 % – христиане. Ситуация в Нигерии с радикализмом, как мы видели выше, тревожная. Во-вторых, в странах, где мусульмане являются меньшинством и чувствуют себя ущемленными. На этом моменте мы далее и остановимся.

Речь идет о двух крупнейших странах Мир-Системы: Индии и Китае. К сожалению, приходится признать, что указанные про-

¹² Приведем в пример западные районы Индии (периферия афразийской макрзоны нестабильности). Там в последние десятилетия напряженность между индусами и сикхами (которых насчитывается 2 % от общего населения, но много в штате Пенджаб) вызвало в Пенджабе рост сепаратизма и создание террористических групп. Хотя в настоящее время эта проблема не так остра, как пару десятилетий назад, однако она никуда не делась. В последние годы также обострились отношения между индусами и христианами.

блемы существенно расширяют периферию афразийской макрзоны нестабильности и создают на этой периферии условия для долгосрочных причин возможной дестабилизации (что, как мы увидим ниже, дополнительно усиливается геополитическими и пограничными противоречиями крупных мировых и региональных игроков). Действительно, исламское меньшинство в некоторых странах – это огромная часть населения. Например, в Индии это меньшинство составляет более 200 млн человек, то есть по абсолютной численности мусульмане в Индии уступают только единоверцам из Индонезии и Пакистана. В Китае мусульман, правда, намного меньше, но совсем немало (примерно 25 млн человек). Однако очень существенно, что они составляют большинство населения огромного по территории Синцзян-Уйгурского автономного района. С одной стороны, многие уйгуры по тем или иным причинам недовольны китайскими властями. Помимо давних исторических обид сильное недовольство вызывает и активное переселение на эти территории этнических ханьцев. Этнические китайцы уже составляют не менее 40 % всего населения автономного района. С другой стороны, сепаратизм уйгуров активно поддерживают США и западные страны, которые подвергают Китай жесткой критике за то, что тот преследует мусульман-уйгуров. Понятно, что китайские власти ведут борьбу не с религиозными убеждениями, не с исламом, а с сепаратизмом. Но конфессиональные различия с учетом исторических особенностей делают этот сепаратизм особенно упорным и непримиримым. Такая поддержка со стороны западных стран дополнительно подпитывает уйгурский сепаратизм и порождает терроризм, вызывая волнения (например, довольно сильные волнения были в 2008 г., в год Олимпийских игр в Китае, что, как понятно, было вовсе не случайным совпадением). *Таким образом, уйгурский национализм, замешанный на религиозной основе, остается существенным фактором возможной нестабильности в регионе на длительный период.*

Мусульманское меньшинство в Индии и опасность будущих дестабилизационных явлений

Противоречия между мусульманами и индуистами в Индии имеют давнюю историю, насчитывая уже более столетия. И до сих пор

трения, а порой и прямые противостояния между индуистами и мусульманами являются одной из главных линий напряжения в обществе¹³. Это противостояние обострилось с 1920-х гг., особенно после выборов в провинциальные законодательные собрания в 1937 г., и вызвало мощнейшую волну перемещений, затронувших в общей сложности 12–14 млн человек в Индии, Пакистане и Бенгалии (ныне Бангладеш). Это противостояние отчетливо проявлялось не только в Индии, но также в Пакистане и Бенгалии (Белокреницкий 2008: 327–329). Неудивительно, что оно является труднорешаемой проблемой. Ведь ислам, как и индуизм, – это не просто религия, но и образ жизни (Клюев 2002; Юрлова 2007). Оба этих образа жизни очень несходны, все попытки их примирить и в эпоху Акбара в XVI в., и в период действия Индийского национального конгресса, и в другие времена оканчивались неудачей. Один только факт скажет сам за себя. В Индии, по сути, существуют разные семейно-гражданские кодексы для индуистов и мусульман. Это объясняется тем, что у первых моногамия, а у вторых разрешена полигамия. И, несмотря на все заявления, что необходим единый кодекс для всех, ничего не меняется.

Усиление мусульманского коммунизма связано и с той довольно тревожной тенденцией, что объективно мусульмане в Индии в отношении уровня образования, благосостояния и общественного положения превращаются в граждан второго сорта по сравнению с индуистами, что дополнительно обостряет отношения между конфессиями (о причинах см.: Гринин, Коротаев 2016: гл. 8)¹⁴.

Как уже сказано выше, исламское меньшинство в Индии в абсолютных цифрах огромно. Однако особенно важно то, что в некоторых штатах процент проживающих мусульман очень высок. Например, в штате Джамму и Кашмир, который стал источником индо-пакистанского противостояния уже с момента раздела Индии,

¹³ Об этом свидетельствует, например, и тот небезынтесный факт, что в 2005 г. нынешнему премьеру Н. Моди, который в то время был губернатором, отказали в выдаче визы в США, обвинив его в разжигании насилия в Гуджарате, когда от рук индуистских радикалов погибло более тысячи мусульман (Арманыян 2015).

¹⁴ К тому же средства и пропаганда из Саудовской Аравии и других стран Ближнего Востока способствовали возникновению в Индии ряда довольно экстремистских течений и групп. Кроме того, определенные связи имелись между исламистами в Афганистане и Индии.

мусульмане составляют в среднем 2/3 населения, а в собственно Кашмире – 97 %. Естественно, что конфронтация религиозных общин здесь становится источником очень серьезных проблем. Для того чтобы как-то смягчить проблему, с самого момента образования собственно государства Индии (соседом и вечным соперником которой стал исламский Пакистан) Джамму и Кашмир сделали единственным штатом в Индии, который пользовался особым автономным статусом по ст. 370 Конституции Индии. Согласно этой статье, ни один закон, принятый в индийском парламенте, не действует на территории Джамму и Кашмира, пока не будет ратифицирован парламентом штата, за исключением законов по вопросам обороны, связи и внешней политики. Впоследствии юрисдикция Верховного суда Индии над Джамму и Кашмиром была продлена. Данный штат имеет собственный флаг и конституцию, и индийцы из других штатов не могут купить здесь землю или недвижимость.

С приходом к власти в Индии националистической партии «Бхаратия джаната парти» и ее союзников резко усилился крен в Индии в сторону индусского великодержавного национализма, который стал так или иначе нарушать права мусульман. Особенно наглядно это проявилось в отношении лишения и сокращения части указанных выше прав штата Джамму и Кашмир¹⁵. Это решение также обострило международные и геополитические противостояния, прежде всего между Индией и Пакистаном. И возникший в 2019 г. конфликт Индии и Пакистана, на мой взгляд, отличается от предыдущих случаев, поскольку вина за него ложится в основном на Индию, тогда как в предшествующие периоды виноват был скорее Пакистан. И, надо отдать должное последнему, он вел себя достаточно сдержанно.

С учетом того, что между КНР и Индией существует давний территориальный спор о принадлежности участка горной территории на севере Кашмира, решение Индии было неодобрительно воспринято и в Китае, тем более что у последнего, как мы видели выше, и так достаточно проблем с мусульманами. Если

¹⁵ Кроме того, в этом же 2019 г., но несколько позже, власти Индии приняли решение относительно переселенцев в штате Ассам, которое было дискриминационным именно в отношении мусульман. В результате около двух миллионов человек исламского вероисповедания оказались под угрозой депортации.

же учесть, что Синьцзян имеет сухопутную границу с северными территориями бывшего штата Джамму и Кашмир, то усиление исламских страстей рядом с беспокойным районом Синьцзяна не может радовать Китай. К тому же эти территории представляют собой узел противоречий. Часть их контролируется Пакистаном, некоторые находятся под юрисдикцией Китая. КНР также планировала через эти спорные территории проложить магистрали для реализации своего проекта Южного шелкового пути. Решение Индии резко осложняет и без того довольно сложный китайский проект, поэтому китайская реакция на решение Индии по Джамму и Кашмир вполне понятна.

К сожалению, решение Индии по статусу штата Джамму и Кашмир является, мягко говоря, непродуманным и опрометчивым. Это может потешить амбиции представителей ныне правящей националистической партии «Бхаратия джаната парти» и ее сторонников, но в будущем увеличит проблемы. Джамму и Кашмир и без того был очень беспокойной территорией, но найденный ранее конституционный компромисс все же поддерживал хрупкий мир. Теперь Индии придется рассчитывать больше на силу, что опасно. Это решение закладывает дополнительные мины под уже имеющиеся бочки с порохом.

Таким образом, северо-западные территории Индии, населенные мусульманами, можно рассматривать как потенциально опасные с точки зрения дестабилизационных процессов в течение длительного времени.

Библиография

- Арманын Н. 2015.** Роль Индии в противостоянии США, России и Китая (“Publico.es”, Испания). *ИноСМИ* 9 февраля. URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>.
- Артамонов А. 2020.** Хрупкость Сахеля. Почему военный переворот в Мали сулит проблемы всему миру. URL: <https://republic.ru/posts/97554>.
- Белокреницкий В. Я. 2008.** Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане. *Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные* / Ред. А. Д. Воскресенский. М.: Аспект Пресс. С. 326–346.
- Газетов В., Ветров М. 2020.** Сахель под прицелом. *Независимое военное обозрение* 14 ноября. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2014-09-26/1_sahel.html.

- Гончаров В. 2017.** О джихадистском движении в Африке. *Международная жизнь* 4 декабря. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18895>.
- Гончаров В. 2020.** Африка: джихад крепчает выше экватора. *Международная жизнь* 21 мая. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26398>.
- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 3: Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2018.** О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 9: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 320–349.
- Гринин Л. Е. 2019а.** Исламизм как социально-экономический феномен. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 10* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 36–66.
- Гринин Л. Е. 2019б.** Исламизм и процессы глобализации. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 10* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 6–35.
- Гринин Л. Е. 2020а.** Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к советским режимам и государственной идеологии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 829–853.
- Гринин Л. Е. 2020б.** Продолжающаяся реконфигурация Мир-Системы и возможные процессы дестабилизации в Афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 7–16.
- Гринин Л. Е. 2020в.** Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в Афразийской зоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 517–527.

- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Полис. Политические исследования* (4): 34–52.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Клюев Б. И. 2002.** *Религия и конфликт в Индии*. М.: ИВ РАН.
- Корендясов Е. Н. 2020.** Сахель: джихадисты вновь наступают. Что делать? URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sahely-dzhihadisti-vnovy-nastupayut-chto-delaty>.
- Коротаев А. В., Айсин М. Б., Зинькина Ю. В., Романов Д. М. 2020.** К прогнозированию структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности и Африки южнее Сахеля. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 200–238.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2017.** Некоторые предпосылки генезиса современного исламизма: к сопоставительному анализу Ближнего Востока, Индии и Китая. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 8 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 100–140.
- Коротаев А. В., Соковнина Е. М., Шадрова А. О. 2020.** Эхо Арабской весны в странах Азии: опыт количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 629–665.
- Костелянец С. В. 2016.** Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы. *Пути к миру и безопасности* 2:101–113.
- ООН 2019.** Совет Безопасности. Семьдесят четвертый год. Предварительный отчет. 8670-е заседание. Среда, 20 ноября 2019 года, 15 ч. 30 мин. Нью-Йорк. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.8670>.
- Серегичев С. Ю. 2015.** Политический ислам в Судане: история, идеи, практика. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 367–404.
- Смысловских Е. А., Колесников И. В., Новиков В. А., Слав М., Коротаев А. В. 2020.** Урбанизация и терроризм: опыт количественного ана-

- лиза. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 265–302.
- Торин А. 2017.** Трагедии и надежды современной Африки. *Международная жизнь* 4 декабря . URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18897>.
- Филиппов В. Р. 2020.** Актуальная геополитическая ситуация в Сахеле. URL: <https://www.inafran.ru/node/2202>.
- Юрлова Е. С. 2007.** Индия: мусульмане и мусульманки. Проблемы религиозного меньшинства в многоконфессиональном обществе. *Азия и Африка сегодня* 10: 124–131.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2019.** *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Dordrecht; Heidelberg; New York, NY: Springer.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Schumacher M. J., Schraeder P. J. 2019.** Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014). *Studies in Conflict & Terrorism* 42: 1–25.